

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ МИРА»

DEFINITION OF THE CONCEPT OF "LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD"

N. Ganieva

Summary: The linguistic image of the world is a system of human views on the world, on society, on nature, expressed in language. An image is defined as a reflection in the human psyche of the objective world, mediated by objective meanings and corresponding cognitive schemes and amenable to conscious reflection. The individual-personality type of the image of the world, mediated by personal meanings, and the invariant one, mediated by common features in the vision of the world of different people, are distinguished. Different people are characterized by different images of the world due to their different cultural and historical conditioning in formation, which includes culture, society, nationality. The image of the world is considered as a process to the extent that the ideal integral product of conscious work changes.

Keywords: the image of the world, personal type, mobile system, perception, picture of the world, culture, language, nationality, society.

Ганиева Назира Рахимбердиевна

кандидат филологических наук, доцент, Таджикский
Национальный Университет, (г. Душанбе)
ganievamockva@mail.ru

Аннотация: Языковой образ мира представляет собой систему взглядов человека на мир, на общество, на природу, выраженную в языке. Он определяется как отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Выделяются индивидуально-личностный тип образа мира, опосредованный личностными смыслами, и инвариантный, опосредованный общими чертами в видении мира различных людей. Для разных людей характерны разные образы мира по причине их различной культурно-исторической обусловленности в формировании, что включает культуру, социум, национальность. Образ мира рассматривается в качестве процесса настолько, насколько изменяется идеальный интегральный продукт сознательной работы.

Ключевые слова: образ мира, личностный тип, подвижная система, восприятие, картина мира, культура, язык, национальность, социум.

Общеизвестно, что доказана зависимость восприятия от всего предметного мира в целом, условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенность предмета к этому миру. А.Н. Леонтьев особо подчеркивал: «а) предзаданность этого означенного, осмысленного предметного мира каждому конкретному акту восприятия, необходимость «включения» этого акта в уже готовую картину мира; б) эта картина мира выступает как единство индивидуального и социального опыта» [6, с. 167]. Работа А.Н. Леонтьева «Образ мира» позволяет вероятностно реконструировать пятимерную модель описываемой понятием «образ мира» феноменологии: четыре измерения пространства-времени «пронизаны» пятым измерением – значением, как еще одной координатой каждой точки четырехмерного пространства-времени. Интерпретируя, мы можем сказать, что точно так же, как две точки, далеко отстоящие на плоской геометрической фигуре, могут соприкоснуться, если сложить лист в трехмерном пространстве, далеко отстоящие по временным и пространственным координатам предметы, события и действия могут соприкоснуться по значению, оказаться «до», хотя и произошли «после» по временным и пространственным координатам четырехмерного пространства-времени. Это возможно лишь потому, что «пространство и время образа мира» субъективны.

Если же учесть концепцию о представленности значений и смыслов для будущего, то понятным становится

«кружение» субъективного времени образа мира, его «опережения» и «отставания» от конвенциональной реальности. Используя такую модель, мы отказываемся от равномерных моделей неизменного пространства, заполненного предметами, и равномерной модели времени, заполненного событиями с предметами в пространстве. Логически строго рассуждая, мы вообще должны при формулировании понятия «образ мира» пользоваться уже не структурами описания материального мира, а структурами описаний таких идеальных явлений, как понятие, значение, представление, идея, мысль и др. Именно это и имел в виду А.Н. Леонтьев, говоря об образе мира как о системе значений. Непринятие этого является методологическим тупиком для многих исследователей, предлагающих модели субъективно равномерных пространства или времени, позволяющие с большой натяжкой описать полученные в ходе эксперимента факты, но беспомощные в прогнозировании субъективных структур пространства и времени. Проблема времени образа мира при ее разработке требует кардинального решения пока неразрабатываемых проблем синхронизации процессов «внутреннего» и «внешнего» миров и «переквалификации» экспериментальных данных обо всех познавательных процессах (особенно о памяти) как выстроенных не только «в результате», но, прежде всего, «для» деятельности.

Сформулируем на основе вышеприведенных рассуждений следующие определения. «Образ мира» – понятие, введенное А.Н. Леонтьевым, используется для

описания интегральной системы значений человека. Образ мира построен на основе выделения значимого (существенного, функционального) для системы реализуемых субъектом деятельностей опыта (признаков, впечатлений, чувств, представлений, норм и пр.). Образ мира, презентуя познанные связи предметного мира, определяет, в свою очередь, восприятие мира. Функции значения и личностного смысла как составляющих сознания состоят в структурировании, трансформации чувственных образов сознания в соответствии с общественно-исторической практикой (культурное описание) и в соответствии с опытом (для-себя-бытием, личной историей деятельностей) субъекта [7, 8].

Образы мира людей различны из-за разной культурно-исторической обусловленности их формирования (культура, язык, национальность, социум) и индивидуальных образов жизни (личностных, профессиональных, возрастных, геоклиматических, бытовых и пр.). Образ мира описывали многие учёные [1, 4, 9, 10, 14]. Он определялся как целостное осмысление человеком мира: что представления о Вселенной и места в ней Земли, о ее устройстве, о природных явлениях – неотделимая часть осмысления мира как единого целого во всех культурах, от первобытного до современности и связывают зарождение «образа мира» с деятельностью и общением «Первым аспектом деятельностной социальной природы образа мира является его генетический аспект – зарождение и развитие образа мира в ходе освоения и развития деятельности и общения. Второй аспект состоит в том, что в сам образ мира (по крайней мере, на его ядерных уровнях) входит отражение той деятельности, которая позволяет выделить свойства объектов, не обнаруживаемых ими при взаимодействии с органами чувств.

Содержание «образа мира» связано с активностью самого человека. Активность позволяет человеку строить «образ мира» как прогностическую модель, вернее, образ мира, непрерывно генерирующий познавательные гипотезы на всех уровнях отражения, в том числе и на языке «чувственных модальностей». Гипотезы представляют собой материал, из которого строится «образ мира». Важной характеристикой «образа мира», является его деятельностная и социальная природы. Он имеет целостную природу и отражает реальность. Картина мира существует лишь в воображении человека, которое во многом формирует ее самостоятельно, т.е. создает свое представление о действительности, его подсознание рисует образы, имеющие тесную связь с опытом, мышлением. Благодаря ему человек может представлять определенные поступки, планы, которые требуют для решения непонятных ситуаций.

По мнению В.А. Масловой, понятие картины мира (языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаи-

модействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. С ее точки зрения, картина мира, а именно языковая, представляет собой способ концептуализации мира, каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Картина мира «формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира)», при этом язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира, так как языковая картина мира является посредником между человеком и реальностью и укрепляет национально-специфическое видение мира.

В этих подходах «образ мира» развивается в результате «высваивания» человеком определенных знаний. Например, с точки зрения А.Н. Леонтьева построение «образа мира» связано с активным «вычерпыванием» его из окружающей действительности: «Мы действительно строим, но не Мир, а Образ, активно «вычерпывая его, как я обычно говорю из объективной реальности. Процесс восприятия и есть процесс, средство этого «вычерпывания», причем главное состоит не в том, как, с помощью каких средств протекает этот процесс, а в том, что получается в результате этого процесса. Я отвечаю: образ объективного мира, объективной реальности. Образ более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный иногда даже ложный...» [6, с. 167].

Тем самым, под «Образом мира» мы понимаем целостную систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности в мире, сопровождающуюся переживанием, т.е. это переживаемые представления и образ мира диалогичен, имеет сложную структуру, в которую входят следующие составляющие: социокультурный мир, включает в себя социокультурные образцы ценностей как мер, представленных в культуре; социальный мир, включает те нормы и требования, которые существуют в обществе; предметный мир (материальный, физический), включает в себя представления о предметах и явлениях природного и созданного человеком материального мира, включая естественнонаучные представления о законах его существования; в процессе подлинного диалога – диалога «согласия» с миром, человек способен выходить за границы привычных представлений о мире и о себе. Образ мира – целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности.

А теперь рассмотрим аксиологический языковой образ мира. Термин «аксиология» был введен в 1902 г. французским философом П. Лапи, а в 1904 г. был уже представлен Э. фон Гартманом в качестве одной из основных составляющих системы философских дисциплин. Нравственные понятия привлекали внимание философов античности, однако они носили нетерминологический характер, т.е. они ещё не являлись предме-

том специального раздела философской науки. Лишь со 2-й половины XIX века вопросы ценностей становятся одним из философских приоритетов европейской культуры. Проведя исследование теоретических предпосылок исторического развития аксиологической науки, В.К. Шохин выделяет три основных периода её становления: предклассический (1860–80-е годы), классический (1890–1920-е годы) и постклассический (с 1930-х годов) [13, с. 128]. В основу проводимого нами анализа положена вышеуказанная классификация периодизации учения об аксиологии.

1. Предклассический период

К предклассическому этапу можно отнести трех основоположников классической аксиологии, которыми, по его мнению, являются Р. Лотце [9, с. 9] и Ф. Brentano [2, с. 176]. Важным достижением этого периода явилось введение понятия «аксиология» в научный обиход. Большая заслуга во внедрении категории «ценность» в философию принадлежит Р. Лотце. Так же, как И. Кант, Р. Лотце отождествляет бытие с эмпирическим существованием, а потому ставит ценность (значимость) выше бытия. Чтобы решить вопрос, каким образом эта ценность оказывается значащей для субъекта познания, отнесённой к нему, он вводит особую по своей природе функцию мышления. Такое мышление способно ориентироваться на ценность как свою норму, или цель, благодаря которой преодолевается психологически-эмпирический уровень субъективного сознания и мышление получает объективный характер. С точки зрения Р. Лотце, основой всякой нормативности является нравственная воля: именно нравственная по своей природе вера в познаваемость мира и в достоверность нашего знания о нём обеспечивает объективность, истинность человеческого мышления, без чувств субъекта ценности не существуют, т. к. не могут принадлежать вещам самим по себе. Начиная с Р. Лотце, понятия ценностей эстетических, моральных, религиозных становятся общезначимыми единицами философской лексики [9, с. 9].

Мы думаем, что любое связанное знание не только сопровождается, но и направляется чувством, и воля становится носителем познавательной цели, поскольку для реализации цели познания необходима концентрация внимания. Но мотивом воли снова является чувство, делающее вещь или деятельность достойной желания. Ф. Brentano развил учение о внутреннем опыте как источнике саморепрезентации психических феноменов. Исходя из способа полагания в них объектов, он классифицировал эти феномены в соответствии с их интенциональной природой. Философ разделил все психические феномены на классы представлений, суждений и душевных переживаний, из которых последние являются ответственными за чувства удовольствия и неудовольствия. Эти чувства ощущаются субъектом по отношению

к объектам, которые наслаиваются на представления и основоположные для ценностей суждения [2, с. 176].

2. Классический период

Подчёркивая значимость классического периода в становлении аксиологической науки, Ф. Brentano выделяет четыре области в аксиологии, которые, на его взгляд, составляют фундаментальную теорию ценностей. К ним он относит 1) «формальную» – изучающую предельно общие законы, заключённые в ценностных отношениях; 2) «материальную» – изучающую структуру и иерархию наличных, «эмпирических» ценностей; а также 3) аксиологическую «онтологию» – сферу интересов которой составляют вопросы о субъективности (объективности) ценностей, исследование их бытийной локализации, а также соотношения с существованием и 4) «гносеологию», интересующуюся вопросами о соотношении ценностей и познания [2, с. 176]. Субординации ценностей уделял особое внимание Г. Мюнстерберг, разработавший «более громоздкую иерархизацию», чем Э. фон Гартман, и выделивший ценности «самоподдержания», «согласия», «деятельности», «осуществления»; жизненные и культурные ценности; ценности существования, единства, развития (соотносимые с жизненными ценностями, становлением, действием), божественные; ценности взаимосвязи, красоты, «производства», мировоззрения [12, с. 124].

О ценностях в человеческой жизни еще больше говорилось в последующие исторические эпохи. Однако надо признать, что ни Платон и Аристотель, ни Пиррон и Эпикур, ни Св. Августин и Св. Фома Аквинский, ни Бэкон и Декарт, ни Кант и Гегель, ни другие великие мыслители далекого прошлого, глубоко прорабатывая проблемы этики и эстетики, а следовательно, имея дело с ценностями, все же не стремились к тому, чтобы добро, красоту, истину, справедливость, свободу, счастье и т.д. представлять как нечто целое, общее, что и должно было бы стать предметом самостоятельной исследовательской науки, познающей ценности. Действительно, со времен античности и до наших дней между представителями различных философских систем и направлений аксиологической мысли велись и ведутся острые дискуссии о том, являются ли ценности атрибутом объективно существующих вещей, предметов и явлений или же они есть не что иное, как результат личностной (общественной) оценки природных или созданных людьми вещей и предметов с позиций значения их для субъекта, удовлетворения его интересов и потребностей.

В первом случае ценность понимается как нечто объективно присутствующее в природе и в жизни людей. Во втором же случае она является неким субъективно оценочным «средством» определения отношения людей к природным и общественным явлениям с позиций их зна-

чимости. Эти прямо противоположные суждения о ценностях отражают неоднозначное отношение людей как к природным вещам и явлениям, так и ко всему тому, что создано самим человеком. Таким образом, ценности, будучи по содержанию субъективными, оказываются, с одной стороны, объективными по своей детерминированности, а с другой – напрямую зависящими от социальных факторов, духовных интересов и материальных потребностей личности. Соответственно, не все значимое представляет собой ценность, а лишь позитивно значимое. Ценность – это не любая значимость, а положительная значимость; кроме того, эта значимость своим истоком имеет человека, его коренные цели и идеалы. Действительно, в одном и том же предмете или явлении один человек видит то, что не видит другой. По образному выражению И. Канта, один, глядя в лужу, видит в ней только грязь, а другой – отражающиеся в ней звезды. Все ценности напрямую связаны с потребностями и интересами людей, но не сводятся к ним. Потребности и интересы, как правило, динамичны, иерархичны, и их иерархия постоянно меняется, а ценности относительно стабильны, как идеалы относительно неизменны, они осознаются и усваиваются личностью в процессе ее исторического становления и развития. Ценность представляет собой осознанное отношение человека к материальным потребностям и духовным запросам. При этом важно учитывать и то обстоятельство, что объективно существуют не только общественные, но и групповые, личные потребности и интересы. Порой то, что выступает высшей ценностью для одних групп людей или личностей, для других может представлять зло, несправедливость, произвол, аморальность. Так, например, одна часть населения России землю в качестве частной собственности считает анахронизмом, а другая – прогрессом. Такое неоднозначное отношение к жизненным потребностям и интересам предполагает его сугубо субъективное начало. Оно-то и свидетельствует о джпринципиальном отличии результатов познавательной деятельности человека от оценочных, то есть ценностей от истины (знаний).

Философы высоко оценили эту классификацию Г. Мюнстерберга, ибо увидели в ней графическое (образное) отображение системы ценностей, хотя и в нестройной научной форме. В ней не рассматриваются связи и отношения объекта к субъекту, однако есть указание на то, что ценности в жизнедеятельности каждого человека и его сообщества, безусловно, занимают ведущее, если не господствующее, положение. Они абсолютно значимы в сфере культуры, искусства, морали, религии, социологии и т.д. Существенной особенностью ценностного суждения стало то, что именно оно позволяет субъекту придавать всем предметам и явлениям позитивную или негативную оценку через внутреннее отношение к ним или через их эмоциональное переживание.

Например, очевидно, что такие явления, как зло, со-

циальная несправедливость, бытовой беспредел или политическая реакционность, вряд ли можно считать ценностями. Их правильнее всего было бы называть антиценностями, так как любая трактовка подобных явлений в качестве ценных будет явно неадекватной, то есть они не могут рассматриваться как значимые и с точки зрения отдельных личностей, и с точки зрения общественного развития (социального прогресса). Выше мы уже говорили о том, что не следует любую значимость предмета или явления, а также полезность той или иной вещи интерпретировать как ценность.

Итак, ценность предстает в сознании людей как особо значимое отношение к предметам, вещам, явлениям природы, общества. При этом все ценности качественно характеризуются не свойствами вещей, предметов или явлений, а степенью их вовлеченности в человеческое бытие, в процесс осознания мира и общества, и через это внедряются в жизнедеятельность личности, тех или иных социальных групп, народов, человечества в целом. Система ценностей исторически меняется. Эти изменения – спутник эволюции общества, его естественного развития. Примечательно, что в ту или иную историческую эпоху по разным причинам одни виды социально-политических и духовных ценностей выдвигаются на первый план или даже занимают господствующее положение, как, например, религиозные ценности и идеалы в Средние века или художественные эстетические идеалы в эпоху Возрождения, а другие – ослабевают, меркнуть и даже исчезать, как в наше время идеи социальной справедливости. Возникновение, изменение и исчезновение систем ценностей критически осмысливаются аксиологией.

«Ценностная ситуация» предполагает наличие трёх необходимых компонентов: субъекта (в данном случае «оценивающего»), объекта (в данном случае «оцениваемого») и некоторых отношений между ними (в данном случае «оценивания»). Поскольку все три компонента содержатся в ней уже аналитически (входят в само её понятие), то не было философов, как справедливо отмечают исследователи, которые могли бы отрицать хотя бы один из них.

3. Постклассический период

Ценности понимаются как априорные, общезначимые, так как социальные проблемы сводятся к этическим, учитывая конечной целью исторического прогресса самоопределение человечества в соответствии с этическим идеалом. Общеизвестно, что разработка ценностных аспектов познания принадлежала преимущественно Баденской школе. Абсолютность ценностей для неокантианцев – это безусловность и необходимость их значений. Однако ценностям присущ и собственный трансцендентальный способ бытия, поскольку они доступны априорному философскому познанию в

мысленных представлениях трансцендентального субъекта. Там их собственное «место» пребывания, тогда как все прочие реально существующие и мыслимые объекты могут быть лишь «носителями ценностей». Согласно разрабатываемым ими направлениям, «существует и особая область ценностного познания, связанная с идеографическим методом, характерным для наук о культуре». Познание есть познание ценностного, а ценность, как объект, предполагает у субъекта, произносящего суждения, императив долженствования. В то же время само долженствование, обуславливающее трансцендентальность знания, оказывается трансцендентным [10, с. 256]. Жизнь противопоставляется всякому познанию. Но если рассматривать ее в более широком смысле, она характеризуется ещё и непосредственной решимостью отдать себя чему угодно [3].

Анализируя постклассический период аксиологии и отмечая, что «теоретическое значение современного этапа аксиологии в сравнении с классическим весьма скромно», все «аксиологические движения» нынешнего периода делятся на три составляющие: 1) вызов, который аксиология вынуждена была принять со стороны некоторых ведущих философов XX века; 2) отдельные направления развития классических моделей фундаментальной аксиологии; 3) популяризация аксиологии в виде развития «прикладных» аксиологических исследований. Так, примером, характеризующим первую составляющую, может служить критика М. Хайдеггером тех или иных достижений классической аксиологии относитель-

но ценностей [14]. Среди трёх основных направлений современной фундаментальной аксиологии два – натуралистическое и феноменологическое — продолжают традиции классической аксиологии, тогда как третья, реализующееся в рамках англо-американской аналитической философии, связано с предшествующим периодом более опосредованно. В «прикладной» аксиологии следует отметить имя Т. Куна [5, с. 310].

На наш взгляд, несомненный интерес представляет аксиологическая наука в советском и постсоветском пространствах. Как отмечают критики, советская философия долгое время игнорировала ценностную проблематику и не признавала за аксиологией статуса особой философской дисциплины. О сопряжении культурологического знания с аксиологической наукой пишет В.К. Шохин, российский и советский философ и индолог: «В настоящее время представляется всё более затруднительным выделить те области познания, в которых самым активным образом не применялись бы аксиологические установки или, по крайней мере, термины. Аксиологические публикации переживают очередной бум. Проводится множество конференций и симпозиумов по широчайшему спектру аксиологических проблем. Выпускается большое количество специальных сборников, связанных преимущественно с тематикой социально-политических и культуроведческих применений аксиологии» [15, с. 174]. Поэтому можно констатировать, что к настоящему времени аксиология утвердилась как особая область знания не только в западной, но и постсоветской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1989. 349 с.
2. Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. 176 с.
3. Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. Пер. с нем. М.: ИНИОН, 1994. С. 5–18.
4. Зинченко В.П. Проблема «образующих» сознание в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 1988. № 3. С. 22–31.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Философия, 2009. 310 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Наука, 1975. 167 с.
8. Леонтьев Д.А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 1990. № 3. С. 33–42.
9. Лотце Г. Основания практической философии. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1882. 356 с.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетра Системс, 2005. 256 с.
11. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии. М.: Наука, 1990. 72 с.
12. Мюнстерберг Г. Психология и экономическая жизнь. М.: Наука, 1924. 124 с.
13. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1910. 128 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Наука, 1993. 503 с.
15. Шохин А.Н. Внешний долг России. М.: Полигран, 1997. 174 с.

© Ганиева Назира Рахимбердиевна (ganievamockva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»